

Neo7

Что есть
Истина

Neo7

Что есть Истина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73485253

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был центурионом Десятого легиона, видел горящий Храм Ирода и слышал, как Понтий Пилат произносит свой знаменитый вопрос перед лицом Галилеянина. Но ответ, не данный прокуратору, суждено было искать самому солдату.

Содержание

Буквица.ч.1	4
Буквица.ч.2	7
Буквица.ч.3-	11
Десятый Легион	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Neo7

Что есть Истина

Буквица.ч.1

—

Буквица

Тихо было в келье старца Онуфрия. Пахло воском, сушеными травами и древностью. Пыльный луч солнца падал на пергамент, где его юный ученик Лука старательно выводил гусиным пером первое закорючки. Он учил буквицы.

— Опять у тебя «Добро» кривое, — вздохнул Лука, откладывая перо. — Просто палочка с кружком. Какая в ней мудрость?

Онуфрий, не поднимая глаз от своего свитка, улыбнулся: — А ты не рисуй ее. Почувствуй.

В тот вечер Лука уснул за столом, положив голову на просмоленные доски. И ему приснился сон.

Он стоял в чистом поле, а перед ним парили в воздухе, словно живые, огромные, светящиеся буквы.

Аз — это был он сам, мальчик Лука. Он ощущал свои руки, ноги, биение сердца. Он понимал — «Я есмь».

Буки — стали вдруг не просто буквами, а древними дубами, в ветвях которых шепталась сама мудрость. А из-за ство-

ла выглянул Веди – старец, похожий на Онуфрия, который лишь показал на небо, давая понять: «Ведаю, что Бог есть».

И тут Глаголь – не просто крюк с палочкой, а настоящий меч, обернутый вокруг рта. «Слово – это оружие, – понял Лука. – Им можно защитить, а можно ранить». И меч этот превратился в чашу, полную Добра – теплого, как хлеб из печи, и светлого, как утренняя зоря.

«Есть Жизнь» – прозвучало в воздухе, и Лука увидел, как из чаши пробивается зеленый росток, тянущийся к солнцу. Это была буквица Живете.

Сон продолжился. Он увидел, как люди – Люди – сидят вокруг костра и Мыслете – думают. Их мысли были похожи на паутину света, соединяющую всех воедино. И от того, Как-ко они мыслят – светло или темно, – зависело, каким будет их мир.

Потом явился Наш – большой, теплый дом с распахнутыми воротами, а над ним сиял Он – незримый, но ощутимый дух, дарующий тому дому Покой – прочную, нерушимую основу.

– Рцы Слово Твердо! – раздался глас, и Лука увидел воина, дающего клятву. Слова его были не просто звуком, а камнями, ложившимися в фундамент крепости.

Сон подходил к концу. Последним он увидел Цы – маленького трудолюбивого червя, точащего дерево. «Трудись, – шептал ему червь, – и обретешь покой – Ша и защиту – Ща».

Лука проснулся. Луч солнца уже скользил по его щеке. Он взглянул на пергамент, на кривое «Добро», которое выводил вчера. Теперь он видел не просто палочку с кружком. Он видел ту самую полную чашу, которую держит в руках человек, чтобы поделиться ею с миром.

Он обмакнул перо и начал писать заново. И каждая буква ложилась на кожу не чернилами, а частицей того сна, того понимания.

Аз Бога Ведаю. Глаголь Добро. Есть Жизнь.

Онуфрий, наблюдая за ним, снова улыбнулся. Он не видел сна Луки, но видел, как из-под его пера рождалась уже не просто грамота. Рождалась мудрость. И это была самая главная Буквица – та, что была написана не на пергаменте, а в сердце.

Буквица.ч.2

—
Рассказ: Буквица и Литеры (продолжение)

Прошли месяцы. Под руководством Онуфрия Лука не просто учился читать и писать – он постигал мир через буквицы. «Рцы Слово Твердо» стало для него заветом не бросать слов на ветер. «Мыслете» напоминало, что каждая мысль ткёт узор его судьбы. Азбука была для него живым существом, дышащим тайной.

Однажды в их обитель прибыл гость – брат Теобальд, учёный монах из далёких западных земель. Он был человеком учёным, точным и нес с собой свитки с иными письменами – строгими, лаконичными, лишёнными затейливых узоров.

Увидев, как Лука выводит на восковой дощечке: «Ять – постигаю образ Божий...», брат Теобальд добродушно усмехнулся.

– Дивные у вас буквы, дитя мое, – сказал он на ломком, но понятном языке. – Слишком много в них... поэзии. Смотри. – Он взял у Луки стиль и твёрдой рукой вывел на доске несколько знаков: А, В, С, D.

– Вот алфавит латинский. Основа основ. А – это просто звук «а». В – звук «б». Ничего лишнего. Они как верные солдаты. Каждый знает своё место и свою задачу. Это ключ к логике, к закону, к науке.

Лука смотрел на холодные, геометрически точные знаки. Они не пели, как его буквицы, не рассказывали историй. Они констатировали.

– Но, отец, – робко возразил Лука, – ваши литеры... они не живут. А наши... Аз – это ведь целый мир! Человек, стоящий перед Богом. А ваше А... что оно значит?

– Оно значит звук, – терпеливо пояснил Теобальд. – И в этом его сила. Оно универсально. Моим алфавитом можно записать законы природы, договор между королями или медицинский трактат. Он точен, как меч. Ваш же... он прекрасен, как песня. Но песню не выгравировешь на стали.

В душе Луки вспыхнул протест. Он вспомнил свой сон, живые, светящиеся образы.

– Ваш алфавит описывает мир, отец Теобальд, – сказал Лука, подбирая слова. – А наш... объясняет душу мира. Ваше В – это просто звук. А наше Буки-Веди – это «Буквы Ведаю» или «Бога Ведаю». Мы учим не просто складывать звуки, а учимся понимать. Ваша буква говорит: «Запомни меня». Наша – спрашивает: «Поймёшь ли ты, что я значу?»

Спор услышал Онуфрий. Он подошёл к ним, и в его глазах светилась тихая мудрость.

– Вы оба правы, – сказал старец. – Брат Теобальд говорит об алфавите-инструменте. Остро отточенном ноже, который режет плоть мира, чтобы изучить его устройство. Он измеряет, взвешивает, систематизирует. Это мышление для рук и взора.

Он положил руку на плечо Луки.

–А наш ученик говорит об алфавите-зеркале. О зеркале, в котором человек видит отражение не только своего лица, но и своей души. «Глаголь Добро» – это не правило грамматики. Это нравственный закон, вписанный в самую основу письма. Это мышление для сердца и духа.

Онуфрий указал на латинские буквы.

–Ваши литеры построили великие города права и науки.

Потом он провёл рукой над свитком с кириллицей.

–А наши буквицы строили души. Они – не инструмент, а путь.

Брат Теобальд задумался, глядя на причудливые славянские письмена.

–Возможно, вы правы, – наконец произнёс он. – Мы создали алфавит, чтобы покорить мир знанием. А вы... создали алфавит, чтобы ужиться с миром в гармонии. Это два разных служения.

Лука смотрел то на строгие латинские «литеры», то на пляшущие в свете лампы «буквицы». И теперь он понимал разницу глубже.

Латынь говорила: «Познай внешнее».

Буквица шептала: «Познай внутреннее».

И в этом не было противоречия. Это были два крыла одной птицы – человеческого духа, стремящегося к истине. Одним крылом он опирался на землю фактов, другим – парил в небесах смыслов.

И Лука понял, что его миссия – не отвергать один ради другого, а, твердо стоя на основании своей «Буквицы», уметь прочитать и ту мудрость, что заключена в точных и безликих «Литерах». Ведь и те, и другие вели к одному – к Свету. Просто разными дорогами.

Буквица.ч.3-

—

Рассказ: Буквица и Литеры (окончание)

Тишина, последовавшая за словами Онуфрия, была насыщенной и глубокой. Казалось, в келье витали сами духи двух алфавитов – строгий, прямой латинец и плавный, задумчивый кириллец.

И эту тишину нарушил новый гость. В дверях стоял путник в одеждах из тончайшего шёлка, расшитых загадочными знаками. Это был мастер Лі, торговец шёлком и знаток каллиграфии с самого края света. Рядом с ним, словно тень, двигался дервиш в простом одеянии, его пальцы перебирали чётки, а на губах замерло чуть слышное слово.

Лука с изумлением смотрел на свиток, который развернул Лі. Там не было ни знакомых букв, ни чужих литер. Там был целый мир крошечных картин: солнце, дерево, человек, река, сложенные в причудливые квадраты.

– Это и есть наше письмо, юный ученик, – сказал Лі, и его голос был тих и мелодичен. – Каждый знак – не звук. Каждый знак – идея. Смотри: «солнце» и «дерево» вместе – это «восток». «Женщина» и «дитя» – это «хорошо».

Лука вгляделся. Его буквы рождали в душе образ, но образ абстрактный – «Добро», «Жизнь». Иероглиф мастера Лі был конкретен, как вырезанная из кости миниатюра.

Кириллица была философской притчей. Китайское письмо – точной и мудрой живописью. Одна обращалась к душе, другое – к зрению и разуму одновременно.

– Твои буквы – это шаги по дороге, – улыбнулся Лі. – Каждый шаг имеет значение, но цель – в конце пути. Мои знаки – это сад. Ты можешь войти в него с любой стороны и любоваться каждым камнем, каждым цветком в отдельности. Путь бесконечен.

И тут заговорил дервиш. Он не развернул свитка. Он просто взял трость и чернила и на пустом листе бумаги одним движением вывел плавную, гибкую, струящуюся вязь.

– А это – дыхание, – прошептал он, и его пальцы танцевали, ведя за собой линию. – Арабское письмо. Оно не живёт в отдельных домах-буквах, как твоё. Оно течёт, как река. Оно начинается с Имени Всевышнего и продолжается в вечном ритме. Оно учит, что всё в этом мире связано, и нет начала и конца, есть лишь бесконечное движение, танец пера, в котором зашифрована воля Творца.

Лука смотрел на вязь, где буквы, меняя форму, сплетались в единый орнамент. Его кириллица стояла прочно, как храм. Латынь брата Теобальда выстраивалась в строй, как легион. Иероглифы мастера Лі созерцали мир, как мудрецы в медитации. А арабская вязь – молилась.

Четыре мира. Четыре пути к истине.

Онуфрий, наблюдая за озарённым лицом ученика, подошёл к нему.

– Теперь ты видишь, Лука? Наша Буквица – это исповедь. Она о том, что происходит внутри человека: «Я познаю», «Я глаголю», «Я мыслю». Она вертикальна, как молитва, устремлённая от земли к небу.

Он указал на латынь.

– Их алфавит – это закон. Он о том, что происходит между людьми. Он горизонтален, как дорога, связывающая города.

– Письмо мастера Лі – это созерцание, – продолжал старец. – Оно о самой сути вещей, об устройстве вселенной. Оно не линейно, а объёмно, как кристалл.

– А письмо дервиша – это экстаз, – завершил Онуфрий. – Это о движении к Богу, о растворении в Нём. Оно – спираль, ведущая к центру.

Лука обвёл взглядом всех собравшихся: учёного монаха с Запада, созерцательного мудреца с Востока, молящегося мистика с Юга и своего старца, хранителя души Севера. Он больше не чувствовал смятения. В его сердце воцарился мир.

Каждая письменность была ключом. Латынь отпирала дверь в мир Закона и Разума. Китайские иероглифы – в мир Образов и Гармонии. Арабская вязь – в мир Мистики и Единения. А его родная Буквица... его Буквица отпирала дверь в самую главную, самую тёмную и в то же время самую светлую комнату – в душу человеческую.

Он подошёл к своему столу, обмакнул перо и вывел на чистом листе:

Аз.

Один-единственный знак. Начало начал. Но теперь за ним стояло всё: и логика Запада, и мудрость Востока, и экстаз Юга. Он был подобен человеку, стоящему на перекрёстке всех дорог мира.

И Лука понял, что его путь – не отвергать другие ключи, а, крепко держа в руке свой собственный, с уважением принимать другие. Ведь все они, в конечном счёте, вели к одной великой Книге, написанной разными почерками, но с одним названием – Истина.

Десятый Легион

Что есть Истина?:

—

Десятый легион

Жара стояла такая, что воздух над мостовой дрожал, как над раскаленными углями. Солнце Иудеи было безжалостным палачом, выжигавшим последние капли влаги из треснувших губ и посекавшей кожи. Тиберий, центурион Десятого легиона, приставил запыленный щит к стене и снял шлем, вытирая рукавом пот, стекавший по лицу жгучими ручьями.

Внизу, у подножия холма, где они разбили временный лагерь, лежал Иерусалим. Но это был уже не тот город, что манил паломников и торговцев. Теперь он был гигантским зверем, раненным, но не сломленным. От крепостных стен поднимался черный, жирный дым, а воздух сотрясали не молитвы, а яростные крики и звон железа.

– Недолго осталось, – хрипло проговорил старый ветеран Луций, прислонившись к щиту рядом. – Червь внутри плода уже издох.

Тиберий молча кивнул. Он помнил приказ Тита: взять город, но по возможности пощадить Храм. Проклятое «по возможности». Как можно щадить камень, за каждый из которого фанатики готовы перерезать глотку? Они сражались не

как люди, а как бесы, вселяемые их невидимым богом. Они предпочитали смерть плену, бросались со стен, увлекая за собой легионеров в объятия острых камней.

Труба проревела сигнал к новой атаке. Собравшись с силами, Тиберий водрузил шлем на голову.

–Десятый, ко мне! Сомкнуть строй! «Черепажу»!

Железная дисциплина взяла верх над усталостью. Легионеры, как части одного механизма, сдвинули щиты, создав над головами непробиваемый панцирь. Под этим металлическим небом они двинулись вперед, к пролому в стене, который тараны пробивали три дня. Сверху на них обрушился град камней, стрел и зажигательных снарядов. Дерево щитов трещало, металл вминался, но строй держался. Чей-то крик из второго ряда – и тело упавшего мгновенно занял следующий.

И вот они внутри. Ад, описанный греческими поэтами, был бы милой идиллией по сравнению с тем, что творилось на улицах Иерусалима. Узкие переулки превратились в смертельные ловушки. С крыш лили кипящее масло, из-за каждого угла летели дротики. Запах крови, гари и горящего мяса стоял такой густой, что им можно было подавиться.

Легионеры рассыпались, сражаясь малыми группами. Исчез строй, исчезла тактика. Осталась только грубая, животная резня. Тиберий рубил своим гладиусом, не разбирая, воин перед ним или старик. Его меч встречался с костью, с железом, с мягкими тканями. Рукоять стала липкой от крови.

Они пробивались к сердцу города – к тому самому Храму. И когда они вышли на огромную площадь, перед ними открылось зрелище, от которого застыла кровь.

Храм Соломона горел.

Не то чтобы его подожгли. Его пожирало пламя. Огненные языки лизали позолоту, вздымались к небу, словно пытаясь спалить само солнце. Иудеи на его стенах не бежали. Они метались в этом аду, словно тени, с воплями отчаяния и веры, сражаясь с незримым врагом, который был страшнее любого римлянина.

Тиберий увидел, как один из легионеров, обезумев от жары крови и вида золота, ворвался внутрь горящего здания. Через мгновение на него рухнула горящая балка, и его крик потонул в реве огня.

Тит Флавий, верхом на коне, наблюдал за этим с холодным, каменным лицом. Приказ о сохранении Храма был забыт. Огонь был сильнее воли цезаря.

Тиберий прислонился к обломку колонны, чувствуя, как дрожь пробегает по его уставшим рукам. Он смотрел на гибель величайшей святыни чужого народа и не чувствовал ни триумфа, ни радости. Только ледяную, всепоглощающую пустоту.

К нему подошел Луций. Его лицо было черным от копоти, в глазах не осталось ни капли былой иронии.

– Говорят, это наш подожгли, – хрипло выдохнул он. – Легионер бросил факел в окно.

Тиберий посмотрел на свои окровавленные руки, на горящий Храм, на небо, почерневшее от дыма.

—Какая разница? — тихо произнес он. — Мы пришли не за камнями. Мы пришли, чтобы сломать их дух. И мы сломали. И сами стали палачами не людей, а самой Веры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.